

Глобализация как аспект конструирования государственной молодежной политики

Аннотация. В статье рассматриваются современные теоретические подходы к пониманию глобализации, предлагается использование концепции культурной гибридности в качестве одного из аспектов формирования российской государственной молодежной политики.

Ключевые слова: глобализация, глокализация, культурная гибридность, молодежная политика.

Что такое глобализация? Глобализация как многогранный теоретический конструкт имеет спорные моменты уже в самом факте своего существования. Сама идея совсем не нова – еще Диоген использовал термин космополии – т. е. общества всего мира. В социологической науке теория глобализации начинает свое развитие уже в XIX веке в работах одного из «отцов-основателей» социологии К. Маркса, который под этим термином понимал процесс интеграции и унификации экономических отношений разных стран. Однако, последующее развитие концепций глобализаций прошло через определенные критические точки.

Прежде всего, возникло сомнение в самом существовании глобализации как эмпирического феномена. Вопрос прост: а не является ли глобализация очередным термином, сконструированным для удовлетворения научного желания рационализации, нежели описания объективного феномена социальной реальности? Перекладывая эту проблематику на эмпирические рельсы, возникает следующая проблема: а какой процент реальных событий описывает категория глобализации? Её решение требует ответа вопрос – а как определить границу между аутентичными явлениями и влиянием глобальной культуры? Кроме того, глобализация как мета-дискурс [1, с. 541] связана с фундаментальным вопросом легитимности постмодернистской социальной теории [2, с. 541–542] – можно ли описывать современное общество, подверженное идеалам постмодерна, через настолько всеобъемлющие понятия, принадлежащие логике модерна?

Как и философская дилемма номинализма и реализма, ответы зависят скорее от субъективного мировоззрения исследователя, поскольку наука на настоящем этапе развития не может предложить достаточно достоверной методологии для обработки объемов описываемых этим термином эмпирических явлений. Изучению глобализации посвятили свои работы У. Бек, Э. Гидденс, Дж. Ритцер, Дж. Урри и многие другие крупные авторы современной социологии. Несмотря на это, до сих пор в научной дискуссии актуальны вопросы дефиниции термина глобализации, определения теоретических границ его применимости; проблемы идентификации и измерения этого феномена в эмпирическом поле, как и его существования в принципе. Это объясняется макроскопическим масштабом, разнообразием форм эмпирического проявления, мультиразмерностью самой сути данного явления, затрагивающего все социальные и культурные структуры общества [3, с. 32]. В нашей работе мы придерживаемся точки зрения Э. Гидденса, что сейчас эта дискуссия имеет скорее истори-

ческий интерес [4, с. 56], этот процесс объективно существует и он специфичен именно для современного социума.

Научное многообразие точек зрения, шлейф околонучных популистских лозунгов, глобальность и эмпирическая «неуловимость» превратили идею глобализации из объективной научной теории в субъективное мировоззрение исследователей, политиков, обывателей. Ключевым свойством такого взгляда на мир У. Бек считает отход от логики контейнерной схемы общественного устройства [5, с. 47–48], которая видит общество подчиненным макроструктуре государства-нации. В этой картине дифференцирование социумов проводится по границам национальных государств (к примеру, «немецкое», «французское» или «российское» общество), а общественные отношения подчинены дисциплинирующему воздействию государственной власти. Государство своей властью унифицирует разнородный хаос локальных процессов, представляя для общества своего рода контейнер, формирующий, в том числе, территориальное единство [6, с. 49].

Глобализация как мировоззрение противостоит подобной контейнерной логике восприятия общества, размывая в культурном и социальном плане территориальные границы государств. Фактически, государство превращается из надструктуры, определяющей границы общества, в лишь одну из субструктур, выполняющей административные функции на определенной территории. Глобализация отделяет национальные смыслы от территориально-государственного контекста. Более ясное понимание этого явления требует некоторого уточнения понятий, зачастую связываемых с глобализацией в общественно-политическом и научном дискурсах.

Глобализация, глобальность, глобализм. У. Бек указывает, что не следует путать глобализацию с *глобализмом* – идеологией развития единой экономической системы человечества [7, с. 202]. Глобализм – это однополярная стратегия деятельности, *устанавливающая* модель поведения конкретных экономических субъектов, в то время, как глобализация *описывает* влияние глобального социально-экономико-политического процесса на свои объекты [8, с. 39]. Глобализм же редуцирует политическую и социальную реальность до экономических отношений, являясь базисом различных неолиберальных тенденций в экономике [9, с. 23].

Ключевой предпосылкой возникновения глобализации является появившееся свойство *глобальности* социальных отношений. Это означает, что область интересов наиболее крупных сообществ (государства, транснациональные корпорации, виртуальные сообщества), как и глубина социальных отношений, охватывает территорию всей планеты. Причем, глобальность отношений не означает существование общего экономического или политического центра (так называемого «мирового правительства»). Наоборот, транснациональные и национально-государственные акторы действуют в условиях конкуренции, мир становится полицентричным и все более многомерным. Глобальный рынок сформировался без создания глобального государства, что, по мнению Дж. Урри, привело к возникновению эпохи глобально дезорганизованного капитализма [10, с. 5], в которой мы сейчас и живем.

Глобализация в отличие от глобальности (состояния) и глобализма (идеологии) является процессом (если быть точнее – совокупностью процессов), в котором локальные акторы взаимодействуют с транснациональными в социальном, политическом и экономическом измерениях. У. Бек предлагает измерять глобализацию через три основных показателя: расширение в пространстве; стабильность во времени; плотность транснациональных сетей связи [11, с. 28]. Современное состояние отличается от предыдущих эпох тем, что уровни все этих параметров на порядки выше, нежели в прошлом.

Дж. Урри рассматривает глобализацию несколько иной, более «культурологической» перспективе. По его мнению, этот процесс протекает по пяти основным направлениям:

- глобализация стратегий транснациональных корпораций, которые выходят за рамки одного государства;
- глобализаций имиджей, наглядно демонстрируемая в рекламных роликах;
- глобализация идеологий;
- глобализация политической мобилизации, проявляющаяся в постулировании ряда проблем в качестве глобальных;
- глобализация русел («scapes») потоков [12, с. 200–201].

Под «руслом» понимается технологическая канва (транспортная сеть, глобально-информационная система и тому подобное), возникающая между двумя субъектами, по которой происходит перемещение материальных и нематериальных объектов, формируя поток. Выходя за рамки государственных образований, потоки приводят к реорганизации капиталистических сообществ. Административно-бюрократические основы социального порядка уступают место информационно-коммуникационным, создавая уже упомянутый нами выше глобально дезорганизованный капитализм, размывая традиционные границы локального и глобального [13, с. 201].

В своих работах Дж. Урри развивает идею «государства-садовника», практически синонимичную концепции «государства-контейнера», представленной У. Бекком. В этой метафоре государство через три ветви власти регулирует общество, словно сад, и включение индивида в то или иное общество определяется гражданством. Социология подчинена государству в том смысле, что её задачей служит разработка наиболее оптимальных путей ведения «садоводства» [14, с. 202]. Урри, как и Бек, отмечает, что глобализация демонтирует эту логику, поскольку выносит общество за рамки национального государства.

Как мы видим, теория Урри связывает материально-экономические измерения глобализации с культурными феноменами. Потоки в рамках технологических русел несут не только материальные вещи, но нематериальные символы и информацию, производя, прежде всего, культурное взаимодействие. Далее мы сконцентрируемся именно на культурном аспекте глобализации как объективном процессе взаимопроникновения глобальной и локальной культур. Здесь необходимо сделать несколько уточнений по поводу содержания понятия «глобальная культура».

В качестве глобальной культуры нередко рассматривают культуру западного общества, в частности, американскую [15, с. 499]. Этот тезис относителен, поскольку глобальная культура является конструктом, индивидуально образуемым здесь-и-сейчас в каждом обществе и, более узко, социальной группе. К примеру, большинство молодежи города Саратова не имели контактов с носителями американской культуры, хотя бы вследствие языкового барьера. Несмотря на это, в данной социальной группе существует конструкт глобальной культуры, созданный посредством различных СМИ (здесь и далее под СМИ мы будем понимать не только классические средства массовой информации, но также Интернет).

Таким образом, процесс глобализации в среде саратовской молодежи протекает на основе уникального, формируемого на локальном уровне конструкта глобальной культуры. Кроме того, молодежная культура структурируется различными культурными стилями, каждый из которых нацелен на свою референтную группу. Иными словами, в процессе конструирования своей идентичности молодой человек выбирает лишь отдельные элементы глобальной и локальной культур. Такой процесс

смешения глобальной и локальной культур, формирующих уникальный культурный микс, принято называть *глокализацией*. Естественно, возникают законные вопросы о том, возможно ли как-то регулировать данный процесс. Эта проблематика для человеческой истории далеко не нова.

После 1930-х годов общественно-политический дискурс глобализации окрашивается в негативные оттенки. Прежде всего, это связано с изменениями в экономической сфере – в этот период крупные участники мировой экономики начинают активно вводить элементы протекционизма в свои торговые политики. Отрицание внешних влияний становится частью стратегической реакции государства на глобализацию во всех сферах общества.

В культурном аспекте глобализации протекционизм встроен в саму сущность культуры. Консервативная реакция на импортные культурные элементы, подкрепленная институционализированной информационной блокадой была и сейчас является основой различных авторитарных режимов. Однако, современные информационные технологии, ценности индивидуальной свободы и другие неотъемлемые элементы развитого общества, нивелируют возможности жесткого институционального контроля.

Поэтому разработка современной социальной, и, в частности, молодежной политики государства требует использование более развитой модели регулирования глобализации, нежели простое отрицание. В нашей работе в качестве такой модели мы используем теорию гибридизации, предложенную американским исследователем постсоветского пространства Дугласом Блумом.

Культурная гибридизация глобального и локального. Основные положения своей концепции Д. Блум изложил в работе «National Identity and globalization» [16]. На основе масштабного эмпирического исследования в трех крупных городах СНГ: Астрахани, Алма-Ате и Баку, он обосновывает теорию о структуре процесса культурной глобализации в молодежной среде. Свою теоретическую модель он называет гибридизацией. Здесь глобализация представляется как процесс перемещения знаний и культурных практик, его реализующих, между глобальной и локальной культурами. Этот процесс двусторонний, то есть, как элементы глобальной культуры внедряются в локальную, так и, наоборот, локальные практики становятся частью конструктора глобальной культуры. Примером может служить практики ношения дредов (причёска, состоящая из особенным образом переплетенных косичек), пришедшая в глобальную культуру из локальной культуры африканских народов.

Соотношение этих процессов по отношению к различным культурам отличаются. К примеру, практики, возникающие в странах Запада, достаточно часто становятся элементами глобальной культуры, в то время как восточные страны по большей части имеют возможность лишь потреблять, но не внедрять их. Хотя, в последнее время элементы азиатских цивилизаций (в особенности Японии) также активно включаются в глобальную культуру. Фактически, это не меняет доминирование западноевропейской культуры в процессе глобализации, поскольку за ней остаётся мандат более высокого уровня – не на выбор конкретных практик, но на выбор тех культур, которые получают право на внесение своих элементов в глобальную. Фактически западноевропейская цивилизация превращается не в основного донора глобальной культуры, а более абстрактную роль арбитра, определяющего её качественный состав.

Обратный процесс – внедрение элементов глобальной культуры в локальную – уже больше подконтролен локальным обществам. Теория гибридизации говорит о том, что структура этого процесса состоит из трёх взаимодополняющих друг друга

тренда: *поглощения* элементов глобальной культуры; *отрицания* элементов глобальной культуры; и *адаптации* элементов глобальной культуры через смешивание с элементами традиционной. В результате этого получается гибрид локальной и глобальной культур в каждом конкретном локальном контексте.

Государство как крупный игрок в экономическом и политическом пространствах играет основную роль в управлении гибридизацией на своей территории. Ключом к решению этой задачи является грамотное использование этих трех аспектов гибридизации. Блум приводит пример Северной Кореи, в которой аспект отрицания (в виде полного закрытия государством каналов культурного обмена и пропаганде отчужденности страны от остального мира) глобальной культуры принял гипертрофированный вид, что привело к почти полной эксклюзии этой страны из мировой арены. Противоположным примером Блум приводит Японию, которая после Второй мировой войны сумела создать собственный сбалансированный гибрид локальной японской и глобальной европейской культур, что не только позволило ей успешно экономически интегрироваться в мировое сообщество, но и способствовало глобальному распространению японской культуры. Блум определяет такую эффективную концепцию государственного управления гибридизацией как *стратегический ответ* государства на глобализацию, в противовес неструктурированной реакции.

Эффективное управление всеми аспектами гибридизации позволяет государству выполнять самые разные задачи – от легитимации существующей власти до протекционизма национальной культуры и обеспечения необходимого уровня суверенитета. Особенное значение в этой проблематике играет молодое поколение. Блум отмечает, что молодежь – это социальная группа, механизмы конструирования идентичности в которой являются отражением («useful проху») аналогичных процессов во всем обществе [17, с. 3]. По его мнению, особая сенситивность молодых людей к тенденциям глобализации превращает их в прекрасный объект социологического исследования.

Однако молодежь – это не только «зеркало» общества настоящего. В поколенческой перспективе важным её свойством является то, что сформированная в молодом поколении идентичность является основой конструирования будущих социальных и культурных структур. В свете этих рассуждений молодежная политика получает ключевое значение в задаче стратегического ответа государства на культурную гибридизацию, так как её основной задачей является регулирование процесса конструирования молодежной идентичности. При этом молодежная политика охватывает не только молодежь – это механизм конструирования национальной (в смысле государственной) идентичности граждан страны.

Иными словами, современная государственная молодёжная политика должна быть стратегически организованной вокруг задачи формирования молодежной идентичности системой мер. Культура, зарождающаяся в молодежной среде, через некоторое время становится культурой взрослых. Молодежные тренды либо развиваются, либо угасают, но, в любом случае, составляют основу дальнейшей гражданской идентичности. Иными словами, конструирование молодежной идентичности – это конструирование идентичности общества в долгосрочной перспективе. Модель культурной гибридизации, предложенная Д. Блумом, может стать стабильным фундаментом для конструирования культурного регулирования в системе российской молодежной политики. Развитие этого направления государственной внутренней политики позволит сконструировать эффективные механизмы ответа на актуальные вызовы глобализации в условиях объективной глобальности культуры современного общества.

Ссылки на источники

1. Ритцер Дж. Современные социологические теории. – СПб: «Питер», 2002. – 688 с.
2. Там же.
3. Байдаров Е. У. Глобализация в культурно-цивилизационных процессах современности // Материалы международной научно-практической конференции «Глобализация как этап развития мирового сообщества». – Пенза, Сургут, Баку: «Социосфера», 2011. – 154 с.
4. Покровский Н. В зеркале глобализации // Сумерки глобализации: настольная книга антиглобалиста. – М.: АСТ, Ермак, 2004. – 352 с.
5. Бек У. Что такое глобализация? – М.: Прогресс, Традиция, 2001. – 304 с.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Момджян К. Об одном многократно упоминаемом процессе // Сумерки глобализации: настольная книга антиглобалиста. – М.: АСТ, Ермак, 2004. – 352 с.
10. Lash S., Urry J. The end of the organized capitalism. – Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 1987. – 357 p.
11. Бек У. Указ. соч.
12. Тысячнюк М. С. Мобильная социология Джона Урри // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – № 4, т. 7. – С. 200–208.
13. Там же.
14. Там же.
15. Ритцер Дж. Указ. соч.
16. Blum D. W. National identity and globalization: youth, state and society in post-Soviet Eurasia. – New York: Cambridge University Press, 2007. – 240 p.
17. Там же.

Medvedev Kirill,

postgraduate, department of sociology, social anthropology and social work, Gagarin Saratov State Technical University, Saratov

medvedevke@gmail.com

Globalization as an aspect of national youth policy construction

Summary. The article starts with a short description of some modern theories of globalization and cultural hybridization. Based on that theoretical knowledge author proposes cultural hybridization model as an aspect of Russian national youth policy construction.

Keywords: globalization, glocalization, cultural hybridization, youth policy.

Рекомендовано к публикации:

Печенкиным В. В., доктором социологических наук;

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук, главным редактором журнала «Концепт»